

Глава 8

Отпусти нам Варавву

Из рассказов святого Луки, евангелиста (Лк 23:13-21)

Суд Пилата

Шнорр фон Карольсфельд Юлиус (1794—1872)

Пилат же, созвав первосвященников и начальников и народ, сказал им: вы привели ко мне человека сего, как развращающего народ; и вот, я при вас исследовал и не нашел человека сего виновным ни в чем том, в чем вы обвиняете Его;

и Ирод также, ибо я посылал Его к нему; и ничего не найдено в Нем достойного смерти; итак, наказав Его, отпущу.

А ему и нужно было для праздника отпустить им одного узника.

Но весь народ стал кричать: смерть Ему! а отпусти нам Варавву.

Варавва был посажен в темницу за произведенное в городе возмущение и убийство.

Пилат снова возвысил голос, желая отпустить Иисуса.

Но они кричали: распни, распни Его!

Он в третий раз сказал им: какое же зло сделал Он? я ничего достойного смерти не нашел в Нем; итак, наказав Его, отпущу.

Но они продолжали с великим криком требовать, чтобы Он был распят; и превозмог крик их и первосвященников.

И Пилат решил быть по прошению их, и отпустил им посаженного за возмущение и убийство в темницу, которого они просили; а Иисуса предал в их волю.

Из рассказов Шимона Бар-Катроса, иудея

Обреченные на гибель

Элиазар сидел под навесом из тростниковых прутьев, наспех положенных на грубые деревянные балки. Там было прохладнее, чем у края стены. Но она была тут, рядом, на расстоянии двух локтей, и от ее раскаленных камней веяло давно забытыми запахами детства, парного молока и козьего помета. Элиазар закрыл глаза и сразу же перед ним возник образ матери, с ее полными слез глазами, такими же, как тогда, когда она смотрела на него, понимая, что больше он никогда не вернется в родную Гамлу. Он впервые увидел эти слезы, когда в Гамлу явились легионеры, и перевернув в доме все вверх

Освобождение Вараввы (гравюра 19 века)

дном, ушли ни с чем. Иуде тогда удалось скрыться в горах, но через год они вернулись и схватили его.

Элиазару было тогда всего четыре года, но он все прекрасно понимал. Мальчишки на улице боялись и уважали его, потому что его дядей был сам Иуда, прозванный в поселке Галилеянином, а еще потому, что три сына Иуды: Симон, Иошуа и Иаков были отчаянными сорванцами, готовыми пустить в ход кулаки по любому случаю и даже без него. Давно, очень давно казнены были и Иуда Галилеянин, и Симон с Иаковом, и отец Элиазара, которого обвинили бог знает в чем, и погнали к краю поселка, чтобы вместе с остальными сбросить живыми с крутого обрыва.

Элиазар помнил отчаянные крики матери, умолявшей солдат оставить в живых отца, калеку Яира, потерявшего руку во время вспыхнувшего в Циппори бунта. Во

всем, конечно, виноват был Иуда, но отец считал себя обязанным помогать во всем брату, вот и втянули его в эту глупую затею, обреченную на провал уже в самом своем начале.

Впрочем, все, что бы они ни затевали, все оканчивалось крахом, провалом, смертью. Один лишь Иошуа избежал случайно приговора, который, казалось, был уже неотвратим. Элиазар на всю жизнь запомнил его лицо и полные нечеловеческой радости глаза, когда римский солдат разрубил коротким мечом пути на руках и ногах обреченного узника. Толпа же, радуясь, что освободили их вождя, получившего в честь отца почетное прозвище Бар-Абба, с каким-то неистовым кровожадным иступлением возжелала казни того, второго, что стоял рядом с помилованным мятежником.

Элиазар помнил, как продираясь сквозь толпу, кричащую «Распи, распни его!», он пытался отыскать двоюродного брата. Напрасно он долго бродил по опустевшим после полудня улочкам Иерусалима. Иошуа бесследно исчез, и Элиазар так и не понял, куда подевался этот бывший мятежник, кумир городской черни, неудачник-сикарий, пойманный с поличным прямо на площади, когда спрятав под плащ свою сику – короткий кривой кинжал, он пытался скрыться с места убийства.

Бар-Абба нашелся лишь на третий день, когда римская когорта, сопровождавшая прокуратора, наконец покинула город. Элиазар разыскал его в винной лавке старика Менахема, и Иошуа был изрядно пьян.

– Как звали того человека? – Бар-Абба смотрел на брата чужими колючими глазами. Как его звали, Элиазар, ты знаешь его имя?

– В городе его знали как Иошуа из Нацерета, – тихо прошептал Элиазар. Произносить вслух имя распятого

было опасно, повсюду рыскали осведомители начальника храмовой стражи.

– Иошуа, – задумчиво произнес Бар-Абба. Иошуа, тезка, значит... А по отцу как? Как звали его отца?

– Все знали его как сына Мирьям.

– Бар-Има! – грустно рассмеялся собеседник, наполняя в очередной раз кружку дешевым вином. Распяли, значит праведника Бар-Иму, Сына Матери, и освободили разбойника Бар-Аббу, Сына Отца. Веселенькая история!

– Но почему же все кричали: «Распни его!», когда многие в городе знали его и любили слушать его проповеди?

– А ты так ничего и не понял, Элиазар? – Бар-Абба задумчиво посмотрел на брата, и кажется, совсем протрезвел. Уходи отсюда, малыши, беги из этого города! Тут все прогнило, все подкуплены Каиафой и его шпио-

Туристы на смотровой площадке крепости Масада

нами! Они знали, кого привести в Преторию. Ты-то сам как туда попал? Они же все про всех знают. Думаешь, Пилат простит толпе, что пришлось освободить меня? Ты сам видел, как он смотрел на моих освободителей. Уже половина тех, что кричали, третий день гниют в подвалах Антонии, и домой на пасхальный седер друзьям моим попасть не довелось. А Каиафе только это и нужно было. Так что не Пилат умыл руки, а хитрец Каиафа. А ты уходи, малыши, не место тебе в Иерусалиме!

– Никуда я не уйду, брат. Не уйду, пока мы не изгоним из города и Храма всю нечисть, пока народ не сбросит с себя ненавистное это ярмо. Ты же не уходишь. И я останусь с тобой.

Бар-Абба посмотрел на Элиазара и хмуро усмехнулся.

– Оставайся, Маккавей! Только считай, что ты уже покойник, как и все мы.

В последнее время стены крепости стали пахнуть смертью. Сквозь небольшие окна в западной башне было видно, как рабы, погоняя спотыкающихся ослов, придерживают на их спинах корзины, наполненные камнями. И сваливают их уже под самыми стенами крепости. Так что ждать осталось недолго. Через несколько дней стоящая в подножия вала страшная башня с огромными колесами, обитыми черным листовым железом, с лязгом и скрипом уткнется своим тупым носом прямо в то место, где сидит сейчас Элиазар. И огромная чугунная гиря с воем врежется в раскаленные стены Масады. Но когда они войдут в крепость, ни его самого, ни его друзей-сикариев, с которыми он бежал из осажденного Иерусалима, ни их жен и детей – никого уже не будет в живых. Так решил он, Элиазар бен Яир, и все поддерживали его. Пусть потомки содрогнутся от ужасного его

решения, и пусть преклонятся перед мужеством тех, кто предпочел смерть плену. Сам же он будет в числе тех десяти, что должны свершить свой страшный долг перед остальными. И потом, когда девять его товарищей, один за другим рухнут на пыльную землю, он останется один на один с Богом, который никогда не простит ему этот грех...

Ревнителю веры

Во дворе монастыря св. Петра «Галликанту» можно увидеть любопытную скульптуру. Название и придумать не нужно: об отречении Петра говорится во всех четырех Евангелиях. Глядя на нее, вспоминается популярная телевизионная игра «Что? Где? Когда?» и фраза: «Найдите ошибку, минута на размышление!» уже готова сорваться с языка.

Не будем ломать голову над ответом, он прост: римский воин в доспехах и с мечом не мог находиться в доме первосвященника. На этом месте должен быть храмовый стражник, вооруженный деревянной дубинкой. Иудеям во времена римского господства запрещалось иметь холодное оружие. Но в Евангелии от Луки говорится совершенно противоположное. Не храмовая стража, а двое учеников Иисуса, чужеземцы, что пришли из далекой Галилеи, оказывается, имели при себе мечи (Лк 22:36-38):

Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч; ибо сказываю вам, что должно исполниться на Мне и сему написанному: и к злодеям приречен. Ибо то, что о Мне, приходит к концу.

Они сказали: Господи! вот, здесь два меча. Он сказал им: довольно.

Владельца одного из мечей определить не трудно. Это апостол Петр, который отрубил ухо стражнику Малху в Гефсиманском саду во время ареста Учителя. Но у кого же был второй меч?

Вчитаемся внимательно в имена учеников Иисуса. Среди них – апостол Симон по прозвищу Кананит (Мф 10:4, Мк 3:18) и которого Лука (Лк 6:15) называет Зилотом. Евангелист Лука был родом из Сирии и мог не знать, что слово *кананит* происходит от еврейского *канаим* («ревнителю веры»). Так называли представителей радикального направления в национально-освободительном движении евреев, вылившемся в Великое восстание, Иудейскую войну и, в конечном итоге, разрушение римлянами иерусалимского Храма и самого Иерусалима. А в переводе на греческий *канаим* – это *зелоты*, или *зилоты*. Поэтому Лука и называет одиннадцатого апостола Зилотом, а не Кананитом. Симон Зилот держится «в тени» остальных учеников, и о его дальнейшей судьбе известно мало. Меча своего он так и не обнажил.

Евангелия – это не исторические хроники. И сведения, которые приводятся в них – всего лишь отголоски событий, на фоне которых развивается главная цепь повествования. И тем не менее, нельзя не отметить в них множество «совпадений» с реалиями той далекой эпохи.

В первую очередь, это касается зелотов и сикариев. Они появились в Иерусалиме примерно в то же время, когда в нем проповедовал Иисус. Зелоты, или «ревнителю» не были бойцами-одиночками. Политическое течение, возникшее в северных про-

винциях, начиналось с восстания под предводительством Иуды Галилеянина (или *Гавлонита*, как его называет Иосиф Флавий) и фарисея Цадока. Поводом к восстанию послужила перепись населения и имущества, которую предпринял римский наместник Квириний. Об этом также говорит Лука в «Деяниях апостолов»:

Во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собою до-вольно народа; но он погиб, и все, которые слушались его, рассы-пались (Деян.5:37)

Но Лука ошибался: последователи Иуды Галилеянина создали политическое течение, или партию зелотов, которое ставило своей целью свержение римской власти в стране. У зелотов были и свои боевики-террористы, которых прозвали сикариями за короткие книжалы-*сики*, которыми они орудовали в толпе, исполняя приговоры «революционного трибунала» зелотов. Впоследствии сикарии превратились из самоотверженных «рыцарей кинжала», каким, по-видимому, и был Иошуа Бар-Абба, в простых разбойников, грабящих всех и вся. Ко времени падения Иерусалима сикарии были именно такими жестокими разбойниками, поэтому история «героических защитников» Масады во главе с Элиазаром бен Яиром, совершивших массовое самоубийство, вызывает сегодня двойственные чувства. С одной стороны мы восхищаемся мужеством людей, в течении трех лет противостоявших всей военной мощи Рима и продержавшихся в крепости до последнего дня, а с другой ...

Вот что пишет о них Иосиф Флавий («Иудейская война», 4:7,2) :

В праздник опресноков, установленный иудеями в память освобождения от египетского рабства и возвращения в свою отечественную страну, они незаметно для тех, которые могли бы воспрепятствовать им, вышли ночью из своей крепости и напали на городок по имени Энгадди [совр. Эйн-Геди – примечание наше]. Часть жителей, способная к бою, была рассеяна и прогнана из города еще прежде, чем она могла со-

браться и вооружиться, остальные же, слишком слабые для бегства, женщины и дети, в числе свыше семисот, были все перебиты; затем они начисто ограбили дома, захватили созревший хлеб и возвратились со своей добычей в Масаду. Таким путем они разграбили все деревни вокруг крепости и дальние окрестности; каждый день число их значительно усиливалось притоком со всех сторон таких же нравственно погибших людей.

И это притом, что в Масаде еще со времен Ирода хранились запасы продовольствия, позволявшие беспрепятственно прожить в ней всему гарнизону и семьям сикариев очень долго. Иосиф Флавий писал («Иудейская война», 7:8,4):

В крепости было сложено так много хлеба, что его могло хватить на долгое время, равно как и значительное количество вина и масла; было также и фиников и стручковых плодов в избытке. Когда Элеазар со своими сикариями хитростью овладел крепостью, он нашел все это в свежем виде, как будто оно только что было сложено; а между тем со времени заготовления этих припасов до завоевания римлянами прошло около столетия. Римляне также нашли остаток припасов неиспорченным.

Некоторые страницы «Иудейской войны» Флавия вообще нельзя читать без содрогания. Просто диву даешься, откуда взялась эта фанатичная жестокость, с которой сикарии уничтожали запасы продовольствия в захваченном Иерусалиме, обрекая жителей на голодную смерть и людоедство! И при этом гордо носили кличку «ревнителеев». Чего? Веры в Бога и в Законы, данные Моисеем? Да нет, вряд ли. Жажда крови – неизменный спутник революций и террора. Через две тысячи лет та же история повторится в России,

и народ, разделившись на две враждующие половины, начнет истреблять самого себя.

Евреям понадобилось две тысячи лет, чтобы отойти от той кровавой резни и объединиться под бело-голубым флагом. Дай Бог, чтобы и другие народы сбросили с себя кровавое наследие новых «ревнителers» – коммунистов, фашистов, радикальных исламистов и прочих «зелотов», и построили общество действительных ревнителers Истинной Веры! Которые не будут убивать своих пророков и учителей, крича в кровожадном угаре: «Распни его!».

Взять Его и сделать царем!

Первый конфликт Иисуса с ревнителями произошел еще в Галилее. Вот что рассказывает об этом евангелист Иоанн (Ин 6:14-17):

Тогда люди, видевшие чудо, сотворенное Иисусом, сказали: это истинно Тот Пророк, Которому должно придти в мир.

Иисус же, узнав, что хотят придти, нечаянно взять его и сделать царем, опять удалился на гору один.

Когда же настал вечер, то ученики Его сошли к морю и, войдя в лодку, отправились на ту сторону моря, в Капернаум. Становилось темно, а Иисус не приходил к ним.

Чудо, сотворенное Иисусом – это *преумножение хлебов и рыб*. Как отреагировал народ на него, после того, как все насытились и еще двенадцать коробов были наполнены едой? Народ увидел в Нем Мессию, Пророка, который должен сделаться царем Израиля.

Митрополит Антоний (А.П.Храповицкий) глава Русской Зарубежной Церкви в 1921–1936 годах, писал по этому поводу, что главным в этом Чуде для народа было не насыщение пяти тысяч человек двумя рыбками и пятью хлебами, а то, что Иисус мог бы обеспечить пищей народных повстанцев. Они не теряли надежды

*Чудо преумножения хлебов и рыб
Шнорр фон Карольсфельд Юлиус (1794—1872)*

убедить Христа сделаться для них вторым Моисеем и спрашивали: “Что нам делать, чтобы творить дела Божии?” (Ин 6:28), и, ссылаясь на чудесное водительство Моисея, прибавляли: “Господи, подавай нам всегда такой хлеб” (Ин 6:34), и тогда успех восстания будет обеспечен. Но дальнейшие слова Христа о духовном хлебе и о жизни вечной совершенно не укладывались в их горячие головы, которые Он пытался остудить словами (Ин 6:49,50, 6:66):

Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли;

хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет.

С этого времени многие из учеников Его отошли от

Него и уже не ходили с Ним.

Иисусу пришлось удалиться от воинственных ревнителей и даже покинуть на время Своих двенадцать апостолов, которые ждали Его на противоположном берегу озера, а Он не приходил. Видимо, уже тогда мятежные настроения Петра, Иуды Искарриота и Симона Зилота не нравились Учителю.

Вскоре Иисусу придется скрываться от ревнителей, избегая крупных городов и поселков (Лк 9:56-58):

Случилось, что когда они были в пути, некто сказал Ему: Господи! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел.

Иисус сказал ему: лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову.

Грозное пророчество

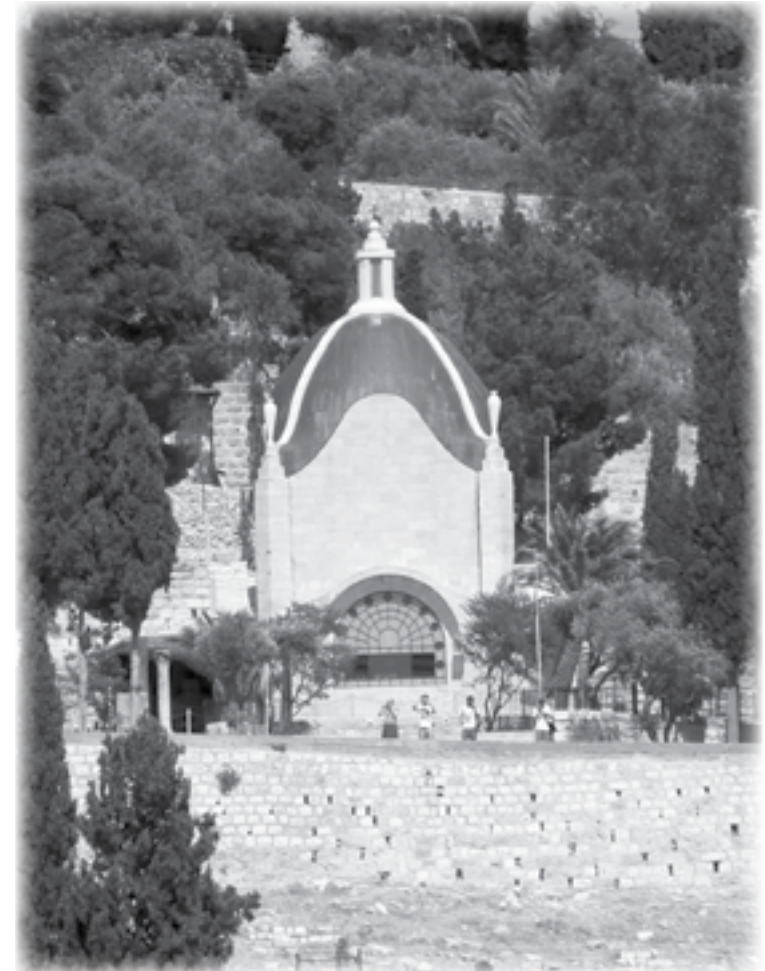
Это произошло вечером, 4-го апреля Страстной недели, за два дня до ареста. Иисус с учениками возвращался из Иерусалима, поднимаясь по тропинке на гору Елеонскую (Мф 24:1-8):

И выйдя, Иисус шел от храма; и приступили ученики Его, чтобы показать Ему здания храма.

Иисус же сказал им: видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено.

Когда же сидел Он на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века?

Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не

Францисканская часовня Слез Господних «Доминиус Флевит» на склоне Елеонской горы – место, откуда Иисус оплакивал разрушение Иерусалима и Храма

прельстил вас,

ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: «Я Христос», и многих прельстят.

Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец:

ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это — начало болезней.

Из рассказов Шимона Бар-Катроса, иудея

Как евреи разрушили свой Храм

Клубы черного дыма затмили небо, окутав пеплом вздымающиеся ввысь золотые зубцы Храма. Горели несколько домов, прилегавших к опоясывающей его главной стене. Отовсюду доносились хрипы и стоны раненых, а с самой крыши Храма непрерывным дождем летели вниз камни и пропитанные смолой горящие ядра.

Отряд Шимона Бар-Гиоры, прибывший из Нижнего города, тщетно пытался преодолеть заставу, выставленную у храмовых ворот. Вооруженные до зубов охранники резали кривыми мечами всех, кто приближался к стене, беспощадно убивая даже тех, кто шел в Храм из дальних мест, чтобы совершить обряд жертвоприношения.

Весь двор был завален трупами, среди которых находилось и немало мертвых служителей, менял, опрометчиво пришедших сюда со своими монетами и торговцев голубями, традиционно приносившимися иудеями в жертву Богу. Все это напоминало недавнюю резню, учиненную прибывшими в Иерусалим римскими когортами во главе со свирепым Флором.

Над храмовой площадью взошла полная луна, и кровь, обильно струившаяся из тел раненых и убитых, расте-

калась ручьями по расселинам каменных плит, как злоеющая черная река. Крики нападавших не смолкали, и тогда со ступеней Верхнего дворца Ирода спустился отряд вооруженных людей и, огибая Храм с севера, проник на территорию через пролом в стене крепости Антония.

Латники слишком поздно заметили нападавших. Площадь огласил боевой клич командира, и тут же несколько стражников, стоявших в проемах храмовой стены, с хрипом медленно сползли на каменный пол, пронзенные стрелами нападавших.

– Отец наш Небесный, Твердыня и Спаситель Израиля, прости им безрассудство их и отврати руку, что поражает братьев своих! О, народ Израиля, да будет тебе спасение и защита во веки веков! Защити его милостью Твоей и раскинь над ним шатер мира, пошли свет заблудшим и дай покой мертвым Твоим...

Калитка сада слегка качнулась, издав тихий жалобный скрип, потонувший в криках, доносившихся с храмовой горы. Молодой человек, укутанный с ног до головы в черный плащ, слегка пригнувшись, словно стесняясь своего роста и могучего телосложения, прошел в горницу. За ним молча последовала старуха-экономка, выполнявшая при учителе также обязанности прачки и кухарки.

– Рабби, нам пора! – тихо проговорил молодой человек. – Мои друзья уже подготовили все, и ждут вас.

– Ты уверен, что там я нужнее, чем здесь? – тихо промолвил рабби Йоханан.

– Мы все уверены в этом, учитель. Если эти мерзавцы затеют новую резню в Нижнем городе, они не пощадят никого, даже вас, рабби.

– А как же Храм? И что останется нам и нашим потомкам, когда некому будет учить Закон и пророков?

– Сейчас во дворе Храма льется кровь. Но это не та кровь, что пылает на жертвенном огне, очищая наш дух и укрепляя веру в Единого. Это кровь наших братьев, что осквернили Жертвенник и Святителище. И долго еще будем мы ждать нового Ханукального чуда, что очистит Храм от нечисти, если вообще дождемся его. Всевышний отвернулся от Своего народа, позволив ему творить мерзости в Его городе и в Его доме.

– Увы, это так, – старик отвел глаза и наклонился, чтобы поднять с пола потухшую лампадку. Потом распрямил спину, поднес лампадку к пламени стоящего на мраморной тумбе светильника и медленно, по-хозяйски, освещая себе путь мигающим неровным светом, прошел в соседнюю комнату.

Через четверть часа из ворот дома, в котором рабби Йоханан провел пятнадцать последних лет, медленно двинулась процессия, впереди которой двигался все тот же молодой человек в длинном черном плаще. За ним следовали двое, не менее рослых и сильных, в таких же черных плащах с надвинутыми на глаза капюшонами. На носилках, наспех сделанных из двух оглоблей с натянутыми между ними овечьими шкурами, лежало завернутое в саван мертвое тело.

Старуха-экономка, причитая и всхлипывая, завершила похоронную процессию, которая направлялась к воротам Ессеев, единственным в городе, которые еще не успели захватить повстанцы.

– Стой, кто идет! – перед юношей в черном плаще выросла фигура воина в красном хитоне с белыми нашивками – отличительным знаком храмовой стражи, подчинявшейся непосредственно Синедриону. Но кому сейчас нужен Синедрион, с его законами и судьями, если в городе творится невесть что, а сам первосвящен-

ник, по слухам, то ли убит, то ли бежал в Галилею, где Веспассиану удалось навести хоть какое-то подобие мира и порядка.

– Рабби Йоханан бен Заккай, да примет Всевышний душу праведника, – тихо произнес молодой человек и добавил. – Позволь нам предать его тело земле, не оскверненной братоубийственной резней!

– Где вы хотите похоронить его? – в голосе стражника чувствовалось явное замешательство. Имя рабби Йоханана в городе было известно всем, от первого вельможи до последнего нищего.

– У старых капищ Гей Еннома есть несколько пещер, думаю, нам удастся найти место для тела учителя.

– Вы хотите похоронить тело рабби там, где до сих пор витают духи древних идолов? – стражник недоверчиво посмотрел в глаза юноше, но тот не смутился.

– На городском кладбище сейчас неспокойно, воины Веспассиана прочесывают местность, и если нас заметят, то...

– Можешь не продолжать, – из темноты выдвинулся второй стражник и приблизился к лежащим на земле носилкам. – Несите покойника, куда решили и постарайтесь не попадаться на глаза римским солдатам. Рабби Йоханан заслужил быть похороненным по нашим законам, не то что эти собаки-зелоты, чьи трупы гниют на улицах Иерусалима.

Через четверть часа путники остановились у изгиба тропы, спускающейся вниз к ущелью Кидрона.

– Нам дальше нельзя, – тихо прошептал молодой человек, склонившись над лежащими на камнях носилками. – Дальше вы пойдете один, рабби.

Он ловко вспорол ножом ленты, которыми был обвязан саван и помог учителю встать. – Прощайте, учитель, и да хранит вас Всевышний!

– Прощайте, друзья мои! Спасибо вам за все! – старик по очереди обнял своих провожатых. – Мне пора. Когда вы выберетесь из этого ада, помните, я жду вас в Явне! И да пребудет с вами Отец наш Небесный!

Утром следующего дня рабби Йоханан бен Заккай сказал Веспассиану: «Я пришел объявить пророчество и изложить просьбу».

Пророчество сбылось: Веспассиан стал правителем Рима. Он отпустил бен Заккаю на свободу и выполнил просьбу: разрешил раввину основать в Явне йешиву – школу для изучения Торы и писаний пророков.

Когда сын Веспассиана Тит ворвался в осажденный

*Разрушение Иерусалимского Храма
Франческо Хайез ((1791 – 1882)*

Иерусалим и разрушил Храм, оставшиеся в живых жители города сказали полководцу:

«Тит, не думай, что ты разрушил Храм.

Ты разрушил только камни и бревна.

Храм был разрушен до тебя, и не тобой, а евреями.

Когда от Храма осталось лишь здание, оно попало к тебе в руки, и ты сделал свое.

Не в твоих силах было разрушить Храм.

Храм могли разрушить только те, кто его построил».

Вместо заключения

Так закончилась тысячелетняя история главной святыни иудеев – иерусалимского Храма. Мы не знаем, был ли отпущенный вместо Иисуса разбойник Бар-Абба в числе тех, кто уничтожал своих собратьев на храмовой площади. А может быть он погиб в одной из стычек с римскими солдатами еще до того, как zeloty захватили Иерусалим. Какая разница?

Два человека стояли в то утро перед римским прокуратором Понтием Пилатом на каменном помосте, именуемом *Лифостротон* (Ин 19:13). Один из них пришел в мир как Спаситель, второй – как разрушитель. По образному выражению Д. С. Мережковского, толпа в тот день сделала свой выбор, распяв Иисуса «Бар-Иму» (*Сын Матери – арам.*), и освободив Иисуса Бар-Аббу.

По странному стечению обстоятельств и Того, и другого звали Иисусом, по-еврейски – Иошуа, что означает «Спаситель». А может, совпадение имен было не случайным? Только путь Спасения они понимали по-разному.